

Вопросы С.Г. Кара-Мурзе и ответы

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

Вы сказали, что это эпизод русской революции. Можно уточнить, революции какого сорта и почему это эпизод? Что такое была «русская революция»?

Ответ:

В русской революции изначально вызревало два течения, расходящиеся и даже враждебные — социалистическое и коммунистическое. Это эпизод революции как переплетения обоих течений. Т.е. и февраля, и октября, и даже репрессий 1930-х гг. против космополитической части большевизма. Большевизм не был единым. На время войны и послевоенного восстановления революция была «заморожена», а уже в «оттепели» Хрущева слегка оттаяла.

Вопрос (В.Г. Федотова):

Может, я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что первая часть Вашего доклада критическая. Она связана с тем, что Ленин не освоил марксизм.

Ответ:

Наоборот, он был под властью марксизма долгое время.

В.Г. Федотова:

Весь доклад говорит о том, что Ленин использовал марксизм неадекватно, и в этом содержится некое Ваше разочарование. У меня сложилось именно такое мнение. Потом идет браваурная, позитивная часть о том, что большевизм сделал очень многое. Если Вы считаете, что сделанное Лениным было частью его проекта, тогда необходимо охарактеризовать этот проект. Мог ли быть другой проект? Лучше это или нет? Что бы было, если бы реализовался меньшевистский проект?

С.Н. Кара-Мурза:

И меньшевики, и кадеты старались, но их проекты осуществиться не смогли. Ленин сначала использовал марксизм адекватно, а потом стал действовать адекватно реальности России — пожертвовал учением. Коротко могу сказать, что Вы неправильно поняли смысл доклада — я, наверное, плохо изложил.

Вопрос (А.В. Шубин):

Во всем докладе трудность у меня вызвало только одно место, где представление Второго Интернационала о человеке реконструируется на основании высказывания Бернштейна, в цитате которого не встречается слово «человек»; и, кроме того, Бернштейн назван идеологом Второго Интернационала. У меня такой вопрос: в какие годы Бернштейн был лидером Интернационала? Был ли вообще такой период?

И второй вопрос: читали ли Вы тексты собственно идеологов Интернационала — таких как Каутский? Что там говорится о человеке? Читали ли Вы документы Интернационала, который тоже на эти темы принимал согласованные документы, не разделявшие, кстати, точку зрения изгоя Бернштейна?

Ответ:

Тексты Бернштейна и Каутского я наизусть не учил, но нужные для темы выдержки читал. Если Бернштейна нельзя считать идеологом Второго Интернационала, приношу свои извинения, я не хотел никого обидеть.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня вопрос относится скорее к современности и к будущему. А именно, грядут серьезные катаклизмы, о которых мы не раз слышали: демографические, которые наблюдаются уже сейчас, финансовые и т. д. Уже сейчас актуальной задачей во всем мире стало: как бороться с ростовщицеством официально? С фальшовомонетничеством? С коррупцией?

Мой вопрос: для решения этих актуальных задач, с Вашей точки зрения, какая идеология более адекватна — общинная, нелиберальная, недемократическая или общественная, либеральная, демократическая?

Ответ:

Я считаю, что обе. В данном случае им придется быть союзниками.

Вопрос (В.Г. Буданов):

Вы сказали, что большевики, придя к власти, решили проблему взаимопонимания и сняли проблему противоречий западников и славянофилов, православно-христианской традиции и Просвещения. В каком смысле об этом идет речь? Что касается православного духовенства, ясно, что сотрудничала красная профессура, но, по крайней мере, пиетета к интеллекту первых лет советской власти не наблюдалось. Скорее это вынужденная мера. Ясно, что в какой-то паллиативной форме эти задачи решены, но вовсе не в качестве синтеза или накопления всех этих сторон. Скорее эти проблемы были не решены, а просто зачищены, после чего на их месте что-то возникло.

Ответ:

Мы говорим о разных вещах. Взаимопонимание не снимает проблему противоречий. Речь шла о синтезе общинного крестьянского коммунизма и его «народного» православия с идущей от Просвещения идеей прогресса. Что же касается мнения, будто интеллекта «первых лет советской власти не наблюдалось», то тут наши мнения расходятся. Уж чего-чего, а интеллекта было очень много, иначе не было бы создано столь много социальных форм за короткое время. Не нашему времени давать такие оценки тогдашнему интеллекту. Академия наук была первой большой корпорацией, которая сразу стала сотрудничать с советской властью (не считая царских генералов).

Вопрос (А.И. Неклесса):

Сергей Георгиевич, в докладе прозвучало достаточно четкое разделение социал-демократии и коммунизма, точнее — большевизма. В этой связи возникает вопрос: а как Вы трактуете внутренние взаимосвязи между национал-большевизмом («построение социализма в одной стране») и национал-социализмом?

Вопрос видимо нуждается в некотором пояснении. Вспомним, к примеру, фактическое сближение в ряде ситуаций практических действий и мотиваций коммунистов и национальных социалистов Германии в их совместной борьбе с социал-демократией, вплоть до случая выдвижения общего кандидата во время одной из избирательных кампаний. Можно припомнить также нередкие случаи перехода членов коммунистической партии в ряды Национальной социалистической германской рабочей партии (НСДАП), а в некоторых случаях — наоборот, по сравнению с минимальным количеством таких переходов из социал-демократической партии. Проблема становится более объемной, если припомним существование таких организаций, как германский «национал-большевизм», «Черный фронт» либо идеологию и деятельность влиятельной фракции Грегора Штрассера, заместителя Гитлера и одно время второго лица в НСДАП, других сторонников левого направления и стратегического союза с СССР.

Не является ли здесь инвариантом схожее отношение к государству, т. е. *этатизм* (в его партийно-номенклатурной версии), что серьезно расходится с собственно марксистским взглядом на социальное строительство, а также историческую перспективу?

Уточню: мой вопрос касается не столько противостояния сторонников концепции «национального социализма» — в его сталинском либо нацистском (национал-социалистическом) изводе — и социал-демократов, сколько фундаментального противоречия между номенклатурным

(партийным) этатизмом и более-менее аутентичным марксизмом.

Ответ:

Русский большевизм и немецкий коммунизм — не одно и то же. Весь Ваш вопрос опирается на образ взаимодействия немецких коммунистов, национал-социалистов и социал-демократов. В общем, от нашей темы это далеко, но одним боком все же касается. Недаром в нашей теме есть ракурс, который обозначают как «национал-большевизм» в приложении к русскому коммунизму. Я бы сказал так. Русский коммунизм вырос из общинного коммунизма и был продуктом традиционного общества, а проект фашизма был в значительной степени проектом архаизации, искусственно-го создания традиционного общества из гражданского, подорванного кризисом. Социал-демократия в обоих случаях была цивилизационным противником обоих этих движений как продукт современного индустриального (гражданского) общества.

Вопрос (М.В. Ремизов):

Почему Вы считаете Советский Союз разновидностью традиционного общества? Это довольно вызывающая позиция. Наверняка у Вас есть короткое определение того, что Вы понимаете под традиционным обществом.

Ответ:

Прежде всего, основанием для такой классификации является *антропологическая модель*, т. е. представление о человеке. У нас до сих пор, даже после ликвидации СССР, сохранилось представление о человеке не как о свободном индивиде, а как о частичке какой-то общины или нескольких общин. Признак современного общества — это освобождение человека от оков общинности и превращение его в свободного индивида.

М.В. Ремизов:

Преобразование на практике или в его мозгу?

С.Г. Кара-Мурза:

У человека трудно «изъять» мозги и изолировать от них практику.

М.В. Ремизов:

Ваша позиция — западный человек свободный?

С.Г. Кара-Мурза:

Более или менее свободен — в той плоскости, о которой идет речь. Хотя неолиберализм оживил структуры сословности.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Постановка вопроса такова, что обсуждаемые материи социализма и коммунизма — это проекты жизнеустройства в прошедшей истории, в современности, в конкретной перспективе. Пытаюсь представить себе, что это за устройство жизни? Это межгрупповые коммуникации в обществе, распределение ресурсов, в особенности в связи с их ограниченностью (энергия, питание, блага, обеспечивающие комфорт и т. д.). Предлагаю мысленный эксперимент: через 100 тыс. лет, когда и энергии, и воды, и лекарств, и благ, и квартир — всего будет сверхдостаточно, то какие из фундаментальных идей сегодняшнего представления о социализме и коммунизме, привязанные к общине ли, к обществу ли, останутся как человеческие совокупности? Какие из этих представлений останутся актуальными в условиях неограниченных ресурсов?

Ответ:

Прежде всего, это принцип от «каждого по способности». Этот принцип сейчас, может быть, и утрачен, поскольку вли-

ятельные силы стараются его ликвидировать в первую очередь. Я считаю, что это главное. Наделение благами — это вторично. Человек, у которого общество отказывается брать «по его способностям», гораздо более обездолен, чем тот, который кормится от благотворительности.

Вопрос (А.И. Соловьев):

С Вашей точки зрения, чистый марксизм в настоящее время способен служить хотя бы основанием для выхода из кризиса, для проектирования будущего, общественного мироустройства?

Ответ:

Я считаю, что нет. Он никогда и не был способен на такие вещи.